

Варвара Корсарова

Дворецкий поместья «Черный дуб»

КОГДА В НАСЛЕДСТВО ДОСТАЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ДОМ,
НО И ЕГО МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ

Викторианский фэнтези-детектив (ЭКСМО)

Варвара Корсарова

**Дворецкий поместья
«Черный дуб»**

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсарова В.

Дворецкий поместья «Черный дуб» / В. Корсарова — «Эксмо»,
2025 — (Викторианский фэнтези-детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-238226-0

Ирис Диль, простая уличная артистка, дающая кукольные спектакли, внезапно узнает, что она дочь барона. Богатый отец отыскал ее и теперь приглашает к себе в поместье «Черный дуб», чтобы воссоединиться и больше никогда не расставаться. Ирис принимает приглашение, однако вскоре выясняется, что барон скоропостижно скончался, а поместье досталось ей. Ирис обладает уникальной способностью видеть ауру вещей и пространства. Само поместье подсказывает ей, что смерть барона была насильственной. Ирис начинает расследование, подозревая всех соседей в округе, а ведь с ними надо подружиться, раз теперь им суждено жить вместе бок о бок. Не ударить в грязь лицом перед высшим обществом и найти убийцу Ирис готов помочь дворецкий. Вот только он сам хранит одну весьма любопытную тайну...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238226-0

© Корсарова В., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Варвара Корсарова

Дворецкий поместья «Черный дуб»

© Корсарова В., 2025

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2026

Глава 1

Представление у таверны «Гнутый якорь»

В воскресенье Ирис давала спектакль у таверны «Гнутый якорь». Время и место были выбраны с умыслом. Днем в порту пришвартовались два торговых судна. Команды выйдут в город, и зрителей соберется прилично.

Ирис споро поставила шатер, не сомневаясь, что представление ждет успех. Денек выдался славный, солнечный. В таверне играл патефон, ветер нес запахи моря и карамели, продавцы напитков не успевали обслуживать многочисленных покупателей.

По улицам бродили в обнимку с подружками моряки. У пивных радовались жизни студенты и клерки, которые в выходной день пришли в портовый район, чтобы найти приключения на свои напомаженные головы.

Вскоре у шатра собралась толпа. Появление артистки и ее кукол встретили свистом и аплодисментами. Гул поднялся такой, что впору испугаться. Но Ирис была не из пугливых и прекрасно знала, что так обитатели квартала выражают свою радость.

Пьесу она выбрала незатейливую – «Старые подтяжки». Местной публике подавай простое зрелище с драками, грубыми шутками, пройдохой-мужем, вертихвосткой-женой и глупым богатеем, который в финале обязательно останется в дураках. Для районов поизысканнее отец написал другие пьесы. «Рыцарь-призрак» хорошо шел в Общественном саду, где гуляли влюбленные парочки, комическая история «Похождения хромого брадобрея» пользовалась популярностью в студенческих кабаках, а философский и местами похабный «Путь мудреца» любили в кафе, где собирались поэты.

Представление шло своим чередом. Ирис манипулировала вагами, заставляя кукол мутузить друг друга, кувыркаться или целоваться. Она подавала реплики за всех героев – то басом, то тенорком, то визгливым фальцетом.

Публика хохотала и аплодировала. В ящик летели первые монеты. Ирис могла с точностью до пары кронодоров предсказать, сколько наберется к концу спектакля. В ее расчетах учитывались время года, количество зрителей и примерный объем их кошельков. Сегодня сбор будет удачным. Ирис уже представляла, как купит на ужин пирог с индейкой и пинту грушевого сидра, потом пойдет в кондитерскую и побалуует себя лимонными пирожными.

Но тут ей словно ударили под дых. В толпе мелькнули широкие плечи Бугая Барта и загорелая лысина Карася Клода, приспешников гангстера Картавого Рикардо. А вон и сам Рик, в полосатом костюме и белой шляпе, шныряет черными глазками, поглаживает ушишки.

Он явился по ее душе! Нашел все-таки!

У Ирис дрогнула рука, и богатей фон Баранс запутался в нитях. Кукольная нога задралась к уху, голова свернулась набок. Публика засвистела. Ирис дернула крестовиной и с ходу сочинила нужную реплику, чтобы спасти положение.

– Ну и наклюкался же я! Аж ноги узлом завязались! – выкрикнула она фальцетом.

Публика зааплодировала, решив, что так и было задумано.

Ирис приходилось нелегко. Щеки горели от глумливых взглядов Рика и его шестерок. Ожидание неминуемой расправы нависло над ней, как камень. Грудь теснило, дыхание участилось, пальцы не слушались. Приходилось напрягать горло, чтобы публика слышала реплики. Движения кукол стали резкими, неуклюжими.

Цепenea от страха, Ирис повела представление к финалу. Герой вышел сухим из воды, его ветреная супруга была прощена, а богатей фон Баранс свалился в выгребную яму. Публика аплодировала так бурно, что вывеска на таверне закачалась. Монеты дождем сыпались в ящик, изредка шелестели купюры. Ирис кланялась, приклеив к лицу улыбку. Кланялись и ее куклы.

Когда Ирис подняла голову, она увидела, что Рик и его помощники пробрались сквозь толпу и уже стоят возле ящика.

– Душечка Ирис! – приветствовал ее слащавым голосом Картавый Рик, проглатывая «р», отчего «Ирис» прозвучало как «Игис» (да и прочие слова с этой буквой давались Рику непросто). – Какая удача встретить тебя сегодня! Мы в прошлый раз кое о чем не договорили...

К ящику подошел хорошо одетый господин, сжимая в руке монету. Он собрался опустить ее в щель, но Бугай Барт выхватил ящик у него из-под носа, сорвал крышку и высыпал содержимое в подставленную кепку напарника. Увидев это, господин передумал платить и попятился. Бугай Барт отобрал у него монету и швырнул к остальным. Прочие зрители сразу поняли, что к чему. Толпа рассеялась, как по волшебству. Рикардо и его банду знали хорошо. Ирис затошнило от страха. Интересно, ее поколотят прямо здесь или утащат в подворотню?

– Двадцать пять кронодоров, – возвестил Карась, за секунду пересчитав выручку наметанным глазом.

– Выходит, с тебя еще три тысячи семьдесят три кронодора, – мигом прикинул Рик оставшуюся сумму долга.

– Ты уверен? – слабо спросила Ирис.

– Конечно! У меня в школе были пятерки по математике, – обиделся Картавый Рик.

Ирис подозревала, что никто из троицы даже младшую школу не окончил. Их познаний в математике хватало лишь на выбивание долгов и сбора подати.

– Что ж, поговорим. Одну минуточку, уложу кукол и позову подружку. Она давно хотела познакомиться с тобой, Рик.

Ирис лучезарно улыбнулась и нагнулась к ящику. Сначала она бережно уложила артистов, потом, глубоко вздохнув, протянула руки к Клодине – перчаточной кукле размером с комнатную собачку. Чтобы ею управлять, требовались две руки. Внутри Клодины отец установил хитрый механизм. Кукла умела открывать рот, хлопать глазами, корчить гримасы и многое другое. Вообще, у нее имелось немало секретов. Верная подружка из тряпок и папье-маше не раз выручала Ирис во время стычек с уличной шпаной.

Внутри Ирис словно щелкнула пружина. Что ей терять? Она будет играть не на жизнь, а на смерть. Неожиданность – ее главное оружие. Только не оплошать!

Она выпрямилась и повернулась к Рику, выставив Клодину вперед.

– Привет, красавчик! Поболтаем? – произнесла Ирис тонким голосом, совершенно непохожим на ее собственный.

Ее губы при этом не шевелились, складывалось полное впечатление, что говорит Клодина.

Рик отшатнулся.

– Что за чертовщина?! – возмутился он.

– Ты слышала? – обижено пропищала Ирис, поворачивая голову куклы к себе. – Он обозвал меня! Почему все красавчики такие грубияны?

Карась Клод потрясенно выпучил глаза, Бугай Барт радостно засмеялся. Сейчас он походил на раскормленного ребенка и наверняка радовался воспоминаниям о том, как в детстве папаша водил его в цирк.

– Гони деньги! – угрожающе потребовал Рик. – На долг набежали проценты! Ты знаешь, что бывает, если не платить вовремя.

Бугай Барт оборвал смех и двинулся к навесу. Шесты с грохотом повалились. Барт топнул ногой, послышался хруст – он нашел Фифи, тростевую куклу, с которой Ирис собиралась дать бесплатное представление на детской площадке. Теперь Фифи погибла. Сердце Ирис облилось кровью.

Клод вытащил кастет, вставил в него пальцы, многозначительно покрутил кулаком. Ирис четко поняла, что дело дрянь. Пора переходить к решительным действиям, иначе она закончит вечер в лазарете с переломанными костями. Жаль навеса и кукол, но здоровье дороже.

– Мы можем уладить дело иначе? – кокетливо спросила Клодина и похлопала ресницами.

Ирис машинально отметила, что на левом глазу куклы их следует подклеить.

– И каким же образом? – презрительно бросил Рик, обращаясь к кукле – незаметно для себя самого он втянулся в игру.

– Как насчет поцелуя? – томно предложила Клодина. – За один мой поцелуй короли были готовы отдать полцарства. Я всем отказала, но ты – другое дело!

Кло подалась к Рику, обвила его шею ручками и смачно чмокнула в губы. Бугай Барт утробно захохотал. Рик дернулся, как ужаленный, и попробовал отодрать от себя куклу.

– Убери эту дрянь! – завопил он. – Чокнутая кукольница!

Пальцы Ирис инстинктивно сжались, Клодина щелкнула челюстью и впиалась фарфоровыми зубками в нос Рика. Он закрутился на месте, по подбородку потекла кровь. Ирис заметалась рядом, привязанная к Рику куклой. Она отчаянно жала на рычажки, но механизм заело и Клодина не разжимала челюстей.

– Отпусти, Кло! Отпусти же! – шептала Ирис. – Пора уносить ноги!

Но кукла словно жила собственной жизнью. По спине Ирис пробежал холодок. На нее вновь сошло странное чувство, которое она время от времени испытывала во время представлений. Она как будто раздвоилась. Она была одновременно Ирис, уличной актрисой, и в то же время куклой Клодиной, чувствовала ее ярость и жажду мести.

Карась спохватился и кинулся на помощь боссу. Он занес кулак с кастетом, и в этот момент челюсти куклы наконец разжались. Рик согнулся, хватая руками лицо, Карась по инерции налетел на него и сшиб с ног. Ирис прижала куклу к животу и помчалась прочь. Вслед ей неслись ругательства, позади гроыхали шаги Барта.

Рассыпалась трель полицейского свистка, и шаги стихли. Ирис удалось оторваться от погони. Девушка нырнула в темную подворотню, пронеслась по гулкому двору, залетела в подъезд, выскочила через черный ход и припустила дальше.

Позволила она себе остановиться и передохнуть только за доками, в тесной щели между пакгаузами.

– Черт, черт! – Ирис стукнула кулаком по шербоатой кирпичной стене и тут же укорила себя голосом Клодины: – Не ругайся, ты же девочка!

В первый момент Ирис даже не сообразила, что говорит сама с собой. Кукольный голос прозвучал как будто со стороны. Она положила Клодину на приступку и серьезно сказала:

– Прости.

Ей показалось, что кукла улыбнулась в ответ, но, конечно, это было лишь ее воображение. Или поздно сработавшая пружина в кукольной голове.

У Ирис тяжело колотилось сердце, гнев сжимал горло. Все так хорошо шло в последнее время! Отец написал три новые пьесы, и они пришлись зрителям по душе. Сборы выходили неплохие, получилось даже снять комнату в приличном доходном доме. А еще Ирис подала заявление на курсы вольных слушателей в Академии. Но теперь ничего этого не будет. Рик их нашел. Он еще не знает, где они живут, но скоро разнюхает. Значит, нужно опять скрываться. Лучше всего – уехать из столицы. Но куда? В цирк или варьете отца вряд ли возьмут, его слабости всем известны. Гастроли по провинциям приносят больше расходов, чем доходов.

Пропали навес, ширма, тележка и четыре куклы. Глупо было надеяться, что они ждут ее возле таверны «Гнутый якорь». Рик постарается, чтобы она никогда не увидела свое имущество. Хорошо хоть, Клодину удалось спасти.

На улице слышались шаги и грубые голоса. Ирис подпрыгнула, ее прошиб холодный пот.

Рик?!

Но в просвете показались фигуры трех подвыпивших моряков. Они веселились, и им не было дела до девушки, которая прячется за пакгаузом и боится даже своей тени.

Ирис со вздохом подняла куклу и отправилась домой. Надо было срочно предупредить отца и вместе решить, что делать дальше.

Она добралась на трамвае до окраины, сделав три пересадки, чтобы запутать преследователей. По дороге постоянно оглядывалась, но погони не заметила. Быстрым шагом она прошла по пустынной улице и юркнула в дверь доходного дома, где они с отцом жили уже третий месяц.

В подъезде пахло кошками и жареной селедкой, а стены отчаянно требовали ремонта. Ирис птичкой взлетела на второй этаж, отперла дверь и вошла в крошечную прихожую.

Ее отец, Финеас, сидел за столом у окна и дымил трубкой. Перед ним были разложены детали для новой куклы. Когда вошла Ирис, Финеас вздрогнул и уронил шестеренку.

– Что случилось? – воскликнул он, мигом поняв, что дело неладно.

– Рикардо нашел меня.

Ирис устало опустилась на стул, рядышком аккуратно посадила Клодину. Вдохнула, поставила локти на стол, прижала пальцы к гудящим вискам.

– Ты не пострадала? – спросил отец хриплым от чувства вины голосом. – Они тебя не тронули?

– Нет. Забрали выручку, уничтожили навес и Фифи. Остальных кукол пришлось бросить. Как и тележку.

Отец медленно отложил трубку, расправил рукава.

– Прости, – прошептал он, пряча глаза. – Я закончил расчеты для новой модели игры. На этот раз она сработает. Завтра пойду в «Золотой туз» и отыграюсь. Мы выплатим долг, обещаю. Мне лишь нужно сто кронодоров для начальной ставки...

– Нет! – ударила Ирис кулаком по столу. – Не смей прикасаться к картам!

Финеас испуганно замолчал. Ирис смотрела на него с гневом и жалостью.

Как непохож стал ее отец на того профессора Диля, которым он был десять лет назад! Некогда знаменитый математик и талантливый поэт превратился в забулдыгу. Щеки заросли седой щетиной, волосы сальные, давно нестриженные. Но синие глаза по-прежнему горели азартным огнем.

Именно азарт и легкомыслие профессора Диля были виноваты в его нынешнем положении. Десять лет назад он купил на все сбережения акции треста, который оказался проектом мошенников. Проект сдулся, учредитель сбежал с деньгами, и вкладчики обнищали за одну ночь. Профессор Диль получил нервный срыв, после которого не смог вернуться на кафедру. И тогда он решил поправить положение картами. Он разработал математическую модель игры, рассчитывая, что с ее помощью сможет сорвать куш. Но он сел за стол казино с шулерами и лишился не только денег, но и спокойной жизни. Профессор Диль опустился на дно и потянул за собой дочь, которой тогда исполнилось семнадцать. Ей пришлось бросить школу, чтобы позаботиться об отце.

Уличной артисткой Ирис стала благодаря случайности. Девять лет назад, чтобы свести концы с концами, она устроилась сиделкой к маэстро Мантейфелю. Маэстро был немолод, но весьма бодр, а к креслу оказался прикован в результате несчастного случая в цирке. Он поскользнулся на банановой кожуре, которую швырнула ему под ноги дрессированная, но невоспитанная обезьяна, и сломал лодыжку.

Когда Ирис впервые вошла в квартиру маэстро, она на миг подумала, что попала в сказочную пещеру. Здесь жили механические куклы. Они свисали с потолка, сидели на диване и за столом, улыбались гостям с полок. В шляпах на полках прятались кролики, из сигарного ящика выскакивал чертик на пружинке. На полу лежали стопки книг о фокусах древних жрецов, с помощью которых они творили непостижимые чудеса и дурачили простаков.

Маэстро Мантейфель оказался именитым артистом. Он носил титул Верховного Пупенмейстера, который цирковая братия дает кукловодам, чей талант так велик, что схож с колдовством. Он умел мастерить любые виды цирковых и эстрадных кукол, владел престижиджитацией, чревовещанием и игрой на двадцати музыкальных инструментах. Маэстро мог оживить все что угодно. В его ловких руках ложки превращались в придворных дам, а стаканы – в рыцарей, он заставлял чайник петь, а блюда – танцевать.

Изнемогая от скуки во время вынужденного безделья, маэстро Мантейфель научил Ирис основам своего мастерства. А когда Ирис привела к нему отца, маэстро поделился с ним секретами создания механических кукол. Но и сам узнал много нового – профессор Диль был неплохим инженером-самоучкой.

Маэстро вернулся на сцену через два месяца. Цирк уехал, а Ирис и Финеас стали зарабатывать на хлеб, давая уличные представления. Жизнь была сносной и даже порой счастливой, если бы не долги Финеаса и его вечное стремление вернуться за карточный стол. Ирис не всегда удавалось уследить за отцом. В прошлом году он опять попал в руки шулеров. Они обобрали его начисто, а хуже всего то, что их бандой руководил Картавый Рик.

Ирис и Финеас сидели молча, не зажигая лампу.

– Давай поужинаем, – предложил отец. – Утро вечера мудренее. Завтра решим, что делать. Все образуется, вот увидишь.

– Конечно, – улыбнулась Ирис, хотя не верила, что все изменится, как по волшебству.

Ей предстояла тяжелая ночь, полная мрачных мыслей. Она встала и взяла жакет.

– Схожу в лавку на углу, куплю печеной картошки.

В дверь постучали. Ирис замерла, прижимая жакет к груди. Отец вскочил.

– Кто там? – спросил он встревоженным голосом.

– Это я, господин Диль! Принесла вам почту! – В комнату вошла квартирная хозяйка госпожа Пфорр и кокетливо улыбнулась. – Проходила мимо почты и заодно забрала ваши письма. Вот они.

– Благодарю вас.

Отец принял из ее рук пачку.

– Не желаете ли заглянуть ко мне на чашечку чая? – продолжала щебетать хозяйка, поправляя подкрашенные синькой букли.

Господин Диль ей нравился. Она не раз намекала, что не против свести с жильцом близкую дружбу и сделать из него человека.

– Возможно, позднее, госпожа Пфорр. Спасибо. – И отец ловко выпроводил хозяйку.

Ирис начала перебирать письма. Рекламный каталог. Письмо из ссудной лавки с напоминанием о задолженности. Счет из больницы. Открытка от старой школьной подруги, с которой Ирис не виделась уже десять лет. И еще одно письмо. Ирис с удивлением покрутила белоснежный конверт, на котором красивым размашистым почерком было написано ее имя.

– «Госпоже Ирис Диль, квартал Доки, Сен-Лютерна», – прочитала она вслух. – От какого-то барона Гвидобальдо цу Герике из усадьбы «Черный дуб», Альсинген, близ Шваленберга. Никогда о таком не слышала. Наверное, ошибка...

Отец издал сдавленный звук.

– Ты его знаешь? – удивилась Ирис. – Но почему этот барон пишет мне?

– Ирис... дай сюда.

Отец протянул дрожащую руку к конверту, однако Ирис уже развернула лист плотной бумаги и пробежала глазами ровные строчки.

– Что за чушь?! – возмутилась она.

Ее сердце билось все сильнее, кровь прилила к щекам. Ее хотят разыграть?!

«Дорогая Ирис, – прочитала она, – долгие годы на меня давило чувство вины за то, что я не стремился познакомиться с тобой, моей дочерью. Меня удерживало обещание, которое я

дал твоей матери. Лишь недавно я узнал о том, что Этель покинула этот мир почти пятнадцать лет назад. Мне стоило немалых трудов выяснить, что ты живешь в Сен-Лютерне, но я не смог найти точный адрес, поэтому отправляю копию этого письма во все почтовые отделения Сен-Лютерны. Очень надеюсь, что одно из них попадет в твои руки...»

Ирис читала и погружалась в пучину недоумения.

– Что все это значит? Откуда этот человек знает маму, называет меня дочерью и хочет, чтобы я приехала к нему в усадьбу? Ерунда какая! Этот старикан, должно быть, из ума выжил!

Она засмеялась, подняла голову, и смех замер у нее в горле. В глазах ее отца стояли слезы. На его лице застыли ужас и облегчение.

– Вот и выплыла правда наружу, – прошептал он и махнул рукой, как человек, который потерпел поражение. – Что ж, все к лучшему... Ирис, я не твой родной отец. Ты дочь барона Гвидобальдо цу Герике. Он нашел тебя.

Ирис не закричала и не заплакала – у уличных артисток крепкие нервы. Хотя новость оглушила ее и на миг комната поплыла перед глазами.

Отцу она поверила сразу. Финеас Диль не умел лгать. Он был вспыльчивым, но бесхитрым человеком – еще одна причина, по которой ему не везло за карточным столом.

– Во-первых, папа, успокойся, – произнесла Ирис твердым голосом, хотя слова приходилось выталкивать наружу, а губы плохо слушались. – Во-вторых, мой отец – ты, самый родной и близкий. Ты растил меня, играл со мной, водил на пристань и стихами объяснял математическую модель движения волн. Я ничего не понимала, но это не важно. В-третьих, расскажи все по порядку.

– Я женился на Этель, когда она была беременна тобой. – Отец дрожащими руками вытряхнул трубку в камин и достал кисет. – Как ты знаешь, твоя мать была родом из Шваленберга. Там она встречалась с Гвидобальдо цу Герике, баронским сыном. Он разбил ей сердце. Родители приготовили для него родовитую невесту, а Этель была дочерью булочника. Она сбежала в столицу и порвала все связи с Гвидо, поклялась, что не возьмет от него ни гроша. Да он, как мне известно, и не предлагал. Когда мы познакомились, Этель еще не знала, что носит тебя. Наша встреча излечила ее от Гвидо. Нас настигла любовь с первого взгляда. То, что у нее было с бароном, она называла юношеской глупостью и очень о ней сожалела. Когда Этель рассказала мне обо всем, я ни секунды не колебался. Ты стала моей дочерью. Я любил и люблю тебя как родную.

– Понятно, – выдавила Ирис и побарабанила пальцами по столу. – А что Гвидо? Как ты думаешь, почему он решил разыскать меня?

– Он женился на богатой невесте, но, насколько я знаю, детей у них не появилось. Он овдовел и больше не женился. Как и я. Но у меня есть ты. А у него наследников нет. Думаю, он хочет, чтобы ты жила с ним. – Финеас глянул на дочь со страхом. – Ирис, барон мог бы дать тебе денег, и это решило бы наши проблемы, но прошу, не отвечай на его письмо. Он предал твою мать. Этель не хотела, чтобы ты встречалась с ним. Она написала ему о тебе лишь незадолго перед смертью.

– Не будем рубить сплеча.

Ирис сжала кулак и глянула на Клодину, как будто рассчитывая, что кукла даст ей подсказку. Кло ответила ей игривым взглядом. Ее подруга любила риск и приключения, она была легкомысленной, веселой – полной противоположностью Ирис. Вернее, она олицетворяла ту сторону ее характера, которой Ирис не желала давать волю.

– Все же я не буду препятствовать тебе, если ты захочешь познакомиться со своим настоящим отцом, – уныло заключил Финеас. – Кровные узы крепки.

– Во мне, выходит, течет кровь аристократов? Да кто в это поверит?! И кому она нужна, эта жиденькая голубая водичка? – невесело рассмеялась Ирис. – Мой отец – ты, и только ты. А что касается барона... Я отвечу на его приглашение. Съезжу к нему познакомиться. Он нам

кое-что должен, как ты думаешь? Мы не в том положении, чтобы цепляться за гордость. Это письмо – подарок судьбы.

– Твоя решительность меня пугает, но и радует, – признал Финеас. – В такие минуты ты напоминаешь мне свою мать. Этель всегда знала, как поступить правильно. Даже если это шло вразрез с ее принципами.

Отец был так бледен и несчастен, что у Ирис сжалось сердце. Она встала и набросила жакет.

– Давай закончим этот день приятно, – предложила она. – У меня припрятано пятьдесят кронодоров. Пойдем-ка в бар «Джимбо-Джамбо», возьмем тебе сидра и запеченную утку, а мне – мятного лимонада и креветок. Будем есть, пить и веселиться. И госпожу Пфорр позовем. Кло, ты тоже идешь с нами. – Ирис подхватила куклу и поманила отца. – Барона оставим на завтра. Ишь ты, выискался, отец-молодец!

Вечер прошел неплохо. Ирис ела, пила, хохотала, развлекала посетителей представлениями с участием Кло и упорно гнала из головы все мысли о Картавом Рике и бароне Гвидо-бальдо.

Когда они вернулись домой, спать Ирис не отправилась, хотя и валилась с ног от усталости. Она зажгла керосиновую лампу, усадила перед собой Кло и стала держать с ней совет. Отец похрапывал за ширмой, а Ирис вполголоса беседовала с куклой. Она всегда так делала, когда предстояло принять важное решение. Подавая реплики за Клодину, Ирис становилась другой девушкой – удалой авантюристой, но не лишенной здравого смысла. Здравого смысла у нее и у самой хватало, но без готовности рисковать он превращает человека в сухарь. Ирис требовалась собеседница с другим складом ума. Кло вдохновляла ее и подбрасывала дельные мысли.

Беседа продолжилась почти до рассвета, а когда измученная Ирис отправилась спать, она уже твердо знала, что нужно делать. Оставалось убедить отца – чем она и занялась наутро, как только Финеас выкурил первую трубку.

– Папа, слушай и не перебивай, – решительно произнесла Ирис, ставя перед ним чашку чая.

Отец испуганно вздрогнул, но покорно кивнул.

– Барон приглашает меня к себе в поместье, пишет, что ждет меня через десять дней. Мы к нему поедem и познакомимся.

– Нет. Я не поеду. Ты встретишься с ним одна, без меня.

Финеас гордо задрал голову, на его щеках выступили красные пятна. Ирис внимательно посмотрела на отца и поняла, что им движет. Профессор Диль, жалкий и опустившийся, не хотел предстать в нынешнем виде перед бывшим любовником жены. Впрочем, наверняка это не единственная причина. Нужно было пожалеть его гордость.

– Мне было бы легче, если бы ты поддержал меня при встрече с бароном.

– Нет! – Финеас резко отодвинул чашку. – Не нужно, чтобы при твоей встрече с настоящим отцом присутствовал... чужой человек... который виноват в том, что ты живешь такой жизнью!

Он гневно обвел рукой жалкую тесную комнатушку.

– Никогда так не говори! – набросилась на него Ирис. – Чужой человек – это барон! Мне нравится наша жизнь! Другой я не хочу!

Ирис кривила душой. Все эти годы она отчаянно мечтала о собственном доме, в котором можно жить, не скрываясь и не переезжая с места на место. У нее никогда не было постоянного дома. Даже когда отец был уважаемым профессором, родители снимали квартиру, а Ирис училась в школе с проживанием. Потом были цирковые фургончики, балаганные шатры, ночлежки. Постоянные странствия, переезды, стычки с полицией и уличной шантрапой. Прокуренные кабаре, таверны, городские площади и улицы. И Ирис хотелось другого. Ничего особенного, лишь просыпаться каждый день в одной и той же комнате – уютной, светлой, и чтобы обои

были в цветочек, а на окнах желтые занавески, – какао и ванильные булочки на завтрак, потом книга в своем саду, а вечером – званый ужин с подругами, с настоящими, а не кукольными. Она бы завела собачку или кошку. Или канарейку! Она бы получила образование. Любое, хоть на секретаршу бы выучилась, хоть на доктора...

...И все это может стать реальностью, если барон Гвидо признает ее своей дочерью.

Но отца – своего настоящего отца, профессора и кукольника Финеаса Диля – она ни за что не бросит. Что бы ни предлагал барон. Только так, и никак иначе.

– Сделаем вот что, – заговорила Ирис после недолгих раздумий. – Пока я буду в отъезде, ты устроишься в труппу, в знаменитое шоу маэстро Морвилля. Я знаю кое-кого из состава, силач Гильгамеш давно предлагает присоединиться к ним. Им как раз нужен реквизитор и бутафор. Владелица возьмет тебя, если ты подпишешь договор и поклянешься не нарушать их правила. У них порядок строгий, никаких карт, выпивки и скандалов, иначе они выкинут тебя в два счета. Ты меня понял?

Ирис сурово свела брови. Отец сглотнул, кивнул и посмотрел на свою трубку.

– Курить на территории ярмарки у них тоже запрещено.

– Но...

– У Морвиллей ты будешь в безопасности. Они заботятся о своих. Рикардо к ним носа не сунет.

– Мне придется жить в тюрьме! – посетовал отец.

– Я не задержусь у барона, только выясню его планы. Если он может быть нам полезен, я постараюсь разыграть карты в нашу пользу.

– Ты такая расчетливая и практичная, – заметил отец не то с осуждением, не то с восхищением.

– Попрошу у барона денег в долг. Как только мы встанем на ноги, все ему вернем. Подачки нам не нужны.

Глава 2

Траур в поместье «Черный дуб»

Неделя пролетела в водовороте забот. Ирис носилась по городу, решая неотложные дела.

Она отвела отца на ярмарку, где располагались балаганы маэстро Морвилля. Собеседование проводила владелица Кассандра Моррель, в девичестве Вилле. Ирис понравилась эта решительная и веселая молодая женщина. Но поначалу во время беседы ей было немного боязно, потому что в углу шатра развалилась верная питомица Кассандры – ручная пума Зенобия. Пума щурила янтарные глаза и зевала с порывиванием, показывая клыки.

Перед встречей Ирис побрила и постригла отца, взяла ему напрокат приличный костюм и велела не показывать норов, так что Финеас Диль произвел хорошее впечатление на Кассандру. Она поручила ему ремонт восковых и механических кукол и реквизита.

– Мы бы с удовольствием взяли и вас, госпожа Диль, но у нас в программе уже есть несколько номеров с кукловодами, – объяснила Кассандра. – Мы можем включить вас в шоу, если вы предложите необычный номер.

– Я подумаю об этом, – пообещала Ирис.

Кассандра внимательно посмотрела на нее.

– Вы не Одаренная? Мы охотно берем артистов, владеющих даром управления эфирным полем, то есть настоящих магов.

Она улыбнулась, давая понять, что шутит. Одаренных уже давно никто не считал колдунами. Если человек умеет силой природного дара изменять физические свойства вещей, это еще не повод называть его колдуном. Такие люди учились в Академии Одаренных и потом поступали на государственную службу, чтобы на благо общества менять русла рек, исследовать недра, управлять погодой и даже порождать электричество.

Те, у кого дар был недостаточно силен – так называемые дефективы, – частенько уходили в цирк. Ведь публика порой не видит разницы между наукой и магией. Когда человек силой мысли зажигает лампочку, заставляет воду в фонтане танцевать или умеет разговаривать с голубями, необразованные люди считают это дешевыми, но эффектными фокусами – так им проще жить.

– Нет, – призналась Ирис. – Я не Одаренная.

– Жаль. Но мы все равно будем вам рады.

Ирис помогла отцу устроиться в кибитке силача Гильгамеша и взяла с него обещание проследить за отцом во время ее отсутствия.

– Не бойся, девочка, – успокоил ее Гильгамеш веселым басом. – Я стану ему заботливой нянькой.

По-настоящему силача звали Иваном. Он был великаном с блестящей лысиной и свисающими до подбородка усами, приехал в Сен-Лютерну из далекой северной страны, где люди дружат с медведями и любят балет.

– Я присмотрю за Финеасом и не дам ему вляпаться в беду, – пообещал он. – У меня не забалуешь!

Он сжал кулак размером с арбуз и внушительно потряс им.

Уладив дела отца, Ирис занялась подготовкой к поездке. Пришлось занять денег у квартирной хозяйки, чтобы приодеться – к барону не явишься в цветастой юбке и с тюрбаном на голове. Ирис приобрела приличный костюм и платье в магазине подержанных вещей, упаковала кукол в чемодан, купила билет до Шваленберга и ранним утром выехала навстречу судьбе.

Она отправляла барону телеграмму, предупреждая о своем приезде – такое указание дал барон в письме, – но на вокзале Шваленберга ее никто не встретил. Ирис потерянно бродила

среди пестрой толпы, поговорила с женщиной в справочном бюро, долго стояла перед вокзальными часами и привлекла недоброе внимание служителя.

Солнце клонилось к горизонту, дольше ждать было нельзя. Пришлось добираться до поместья «Черный дуб» самостоятельно. Ирис долго торговалась с водителем таксомотора, ей удалось сбить цену за поездку с десяти до семи кронодоров. Водитель оказался грабителем – всего десять лиг, полчаса езды, и такие цены!

Наконец она села в старенький автомобиль. Ирис изрядно волновалась, и поэтому заставляла себя злиться – злость полезнее растерянности.

Кажется, барон не очень-то стремился увидеть родную дочь... Или телеграмму не получил? Лучше было думать так.

Машина неторопливо ехала по лесной дороге. Мелькали стволы сосен и кедров, под колесами похрустывали шишки. Ирис все сильнее волновалась. Как вести себя при встрече с бароном? Быть холодной или дружелюбной? Нужно ли его обнять и поцеловать? Нет, ни за что! Он чужой человек. И что, если они не понравятся друг другу?

Перед поездкой Ирис заглянула в библиотеку, нашла и прочитала в газетах все, что писали о бароне цу Герике. Ничем особенным он не прославился, происходит из почтенного, но захудалого рода. Не богатея, но денежки водятся. Живет на проценты с капитала, дел не ведет. Заперся у себя в поместье и в ус не дует. В политику не лезет. Поэтому сведений о нем отыскалось немного. Лишь в одной газете Ирис нашла его нечеткую фотографию с благотворительного мероприятия. Но даже по ней она поняла, что барон, безусловно, ее отец. Сходство было видно сразу. То же удлиненное худощавое лицо, высокий лоб, ямочка на подбородке. И волосы светлые, как у Ирис. В молодости барон наверняка был красив, но возраст наградил его залысинами на лбу и мешками под глазами. Хотя Ирис и была настроена против барона Гвидобальдо цу Герике, он показался ей любопытным человеком. У его глаз разбегались лукавые морщинки, а губы сжимались в ехидной улыбке, как будто он знает какой-то секрет.

Но фотографии в газетах часто искажают образ до неузнаваемости. Посмотрим, каков ее новоявленный папаша на самом деле.

Ирис попробовала разговорить водителя, но он был родом из другой части провинции, в Шваленберг приезжал на заработки и ничего полезного о бароне сообщить не смог. Он даже дорогу плохо знал. Ирис пришлось достать карту и пару раз подсказать ему нужное направление на развилках.

Автомобиль свернул на гравийную дорогу. Сосны расступились, впереди показалась кованая ограда, за которой качались верхушки лип.

– Приехали, – сообщил водитель. – Милое местечко! Счастливо вам отдохнуть, барышня!

Ирис кивнула. Теперь, когда до места ее назначения и встречи с отцом осталось лишь несколько шагов, ее охватила робость. Что ждет ее впереди?

Девушка выбралась из автомобиля, прошла через незапертые ворота и попала на широкую аллею. С двух сторон рос кустарник, дальше тянулись газоны и клумбы. «Газоны не мешало бы подровнять», – заметила Ирис. Но в целом в поместье царил порядок.

Дом оказался не слишком большим, но и не маленьким. Трехэтажное здание из кирпича благородного темно-красного оттенка имело строгие, но изящные очертания. Ставни и трубы были белые, стены обвивал плющ, кусты у крыльца были подстрижены, как по линейке, а возле дома рос дуб-великан. Кругом царила тишина, лишь шелестел ветер, неся аромат роз, да настойчиво чирикала птица.

Ирис затаила дыхание. Это был дом ее мечты, такой славный, элегантный, старинный! Воображение нарисовало мягкие ковры в гостиной, полированные панели, треск поленьев в очаге и запах воска в библиотеке. Ее остро кольнуло желание назвать дом своим. Поселиться в нем, вести однообразную благоустроенную жизнь, где не будет места тревогам, а будут солнечные рассветы, кофе на террасе, тихие вечера и прогулки к пруду.

«Твои мечты могут стать реальностью», – эта мысль была озвучена беззаботным голосом Клодины.

Ирис вздохнула, крепче сжала ручку чемодана, поднялась на высокое крыльцо и поискала глазами звонок... Что за ерунда? Вместо звонка у двери висела доска с латунными клавишами. Ирис вытянула указательный палец и неуверенно стукнула по крайней. В доме запела высокая нота. Ирис охватило любопытство, она пробежала пальцами по клавишам и услышала задорную мелодию. Вот так звонок! Вечно эти богачи что-нибудь эдакое придумают! Ирис убрала руку, сдерживая желание сыграть модную песенку, и стала ждать.

Долгое время ответа не было, но потом дверь распахнулась, и на пороге появился молодой мужчина весьма впечатляющей наружности – высокий, широкоплечий, одетый в строгий черный костюм с белоснежной рубашкой и галстуком-бабочкой. Черты лица – суровые: четкий подбородок, острые скулы, прямой нос. Темные волосы гладко зачесаны назад, глаза надменно, почти презрительно смотрят из-под густых бровей. Ирис растерялась. Этот мужчина – идеален! Само совершенство, эталон! А как держится! Плечи развернуты, спина прямая, но при этом он не напряжен, двигается плавно!

Его неброская элегантность остро напомнила ей, как она сама сейчас выглядит: пыльная, уставшая с дороги, прическа растрепалась, под мышками пятна. Ирис чувствовала себя так, словно ее сунули в чужую шкуру, которая, к тому же, скверно пахнет.

– Что вам угодно? – спросил мужчина бархатистым голосом, в котором прозвучали одновременно вкрадчивые и властные интонации.

Пока Ирис боролась с накатившим смятением, мужчина осмотрел ее, нахмурился при виде потрепанного чемодана и отрезал:

– Мы ничего не покупаем. Нам не нужны ни крем для обуви, ни патентованные подтяжки, ни воск для волос.

Ирис замотала головой.

– Я ничего не продаю. Меня зовут Ирис Диль. Я приехала по приглашению барона цу Герике.

Лицо мужчины окаменело. Он прищурился и произнес со сдержанной скорбью:

– Барон цу Герике скоропостижно скончался пять дней назад. Позавчера состоялись похороны. Вы опоздали.

Он коснулся пальцами правого предплечья, на котором Ирис только сейчас заметила траурную повязку. Она ахнула. Ее сердце пронзила острая печаль. Пусть она узнала о существовании родного отца лишь десять дней назад и не была с ним знакома, такие новости невозможно принять спокойно.

– Что с ним случилось?..

Мужчина не ответил, а холодно задал встречный вопрос:

– По какой причине барон пригласил вас в поместье, госпожа Диль?

– Я его незаконнорожденная дочь, – выпалила Ирис.

Мужчина мигом подобрался и стал еще более высокомерным.

– Вот как? Понятно. Прошу вас немедленно покинуть поместье, иначе придется позвать полицейского. У нас не любят мошенников.

Дверь едва не захлопнулась у Ирис перед носом, но она успела сунуть в проем угол чемодана.

– Я не мошенница! Вот письмо от барона!

Она торопливо запустила руку в карман, забыв, что переложила письмо в сумочку. Чертыгнулась, открыла сумку и начала отчаянно рыться в ней.

– Вот!

Ирис победно протянула письмо. Высокомерный тип взял его, развернул и принялся читать. По мере чтения складка между его бровями углублялась. Ирис с тревогой ждала вердикта. Она опасалась, что ее вот-вот спустят с крыльца пинком.

Мужчина поднял глаза и уставился на гостью. Он молчал, пока пауза не стала неприятно длинной.

– Рекстон, кто там? – послышался мелодичный женский голос.

Мужчина обернулся и почтительно ответил:

– Незнакомая барышня приехала повидаться с господином бароном. Утверждает, что не знала о его кончине.

Ответ прояснил позицию Рекстона в доме – он слуга, дворецкий или лакей.

За спиной Рекстона раздался слабый вскрик. Женщина потребовала:

– Дайте мне взглянуть на девушку!

Рекстон бесшумно скользнул вбок, и перед Ирис предстала белокурая пожилая женщина в траурном платье. Она прищурила близорукие глаза и растерянно спросила:

– Вы утверждаете, что приходите Гвидо родной дочерью?

– Так утверждал сам барон. Он прислал мне письмо.

Женщина вопросительно взглянула на Рекстона. Тот почтительно протянул ей письмо. Дама приложила к глазам пенсне и уткнулась в послание.

– Это почерк Гвидо, – сказала она неуверенно, и в ее утверждении слышался вопрос.

– Почерк весьма похож, госпожа Эрколе, – подтвердил Рекстон. – Однако осмелюсь заметить, что в столице живут опытные мастера изготовления фальшивок.

– Рекстон, что мне нужно сделать? – продолжала задавать вопросы госпожа Эрколе. – Я в замешательстве...

– Полагаю, лучшим выходом будет позвать полицейского.

– Вы считаете ее мошенницей?

– Я не лишен таких подозрений, мадам.

Ирис слушала их диалог с растущим негодованием.

– Если это подлог, то я тоже стала его жертвой! – сказала она резко.

Ирис устала и проголодалась, да и неприятных сюрпризов за последние дни выдалось много. На вежливость сил не осталось.

– Уверяю вас, две недели назад я понятия не имела о бароне цу Герике и нашем с ним родстве.

Госпожа Эрколе и Рекстон вновь обменялись многозначительными взглядами.

– Рекстон, вы знали, что у Гвидо есть дочь?

– Нет, мадам. Осмелюсь допустить, что дочери у него нет и никогда не было, а эта девушка – не та, за кого себя выдает.

– Припоминаю, Гвидо однажды упоминал о дочери и о том, что хочет найти ее, – тихо призналась госпожа Эрколе, – но подумала, что он шутит, как всегда.

– Но он нашел меня, – прервала ее Ирис. – Какие уж тут шутки?.. Я приехала и обнаружила, что мой... отец умер. И я тоже не знаю, что мне делать дальше. – Она спохватилась и добавила тише: – Глубоко соболезную вашей утрате.

Госпожа Эрколе поджала губы и кивнула.

– Я его сестра, Грета Эрколе. Выходит, я... ваша тетя?

– Ну да, вроде того, – брякнула Ирис, растерявшись еще больше.

Где ее манеры? Нигде. Их просто нет, и взяться им неоткуда. Конечно, в школе ее учили вести себя правильно, но десять лет скитаний по улицам стерли все воспоминания об этикете. Ирис знала, как правильно давать взятки полицейским, умела забалтывать хулиганов, умасливать разгневанных зрителей и ловить брошенные в нее гнилые помидоры. Но как вести себя в

таких ситуациях, как нынешняя, не имела ни малейшего представления. Да и в каком учебнике этикета есть глава «Правила поведения с родной тетей, которая считает тебя мошенницей»?

– Завтра прибудет нотариус, – негромко сказал Рекстон. – Вполне возможно, что он в курсе ситуации. Он же поможет нам установить личность этой девушки.

– Спасибо, Рекстон, – с облегчением выдохнула пожилая дама. – Вы всегда знаете, что нужно делать. Именно так мы и поступим – подождем нотариуса и все выясним. Завтра будут зачитывать завещание, – объяснила она, повернувшись к Ирис. – Если вы дочь Гвидо, не исключено, что он оставил насчет вас какие-то распоряжения. Он переписал завещание за неделю до своей смерти. А пока... – Она опять заколебалась, не зная, что предпринять, потом ее лицо просветлело, лоб разгладился, и она закончила почти радостно: – А пока мы разместим вас в гостевой комнате! Рекстон, наш дворецкий, вас проводит.

Рекстон кашлянул.

– Что такое, Рекстон?

– В Альсингене есть неплохая гостиница, госпожа Эрколе.

Пожилая дама немного подумала и решительно мотнула головой.

– Нет, Рекстон, девушка должна провести эту ночь здесь. Представьте, вдруг она и правда дочь Гвидо? Что скажут соседи и знакомые, когда узнают, что мы выставили ее?

– Простите, об этом я не подумал. Но, если мы имеем дело с самозванкой, ее пребывание под этой крышей может доставить неприятности.

Терпение Ирис лопнуло.

– Вот что, Рекстон или как вас там! Буду весьма признательна, если вы станете держать свое ценное мнение при себе! Еще раз повторю: я не мошенница! И я не собираюсь слушать, как вы меня оскорбляете, поэтому немедленно возвращаюсь в столицу! С меня хватит!

Она схватила чемодан, но госпожа Эрколе вцепилась в ее рукав с неожиданной силой.

– Пожалуйста, простите нас! Мы в растерянности после недавней утраты. Вы должны остаться здесь, прошу, будьте нашей гостьей! Рекстон, велите горничной приготовить комнату и проводите туда госпожу Диль. Ирис... вы позволите называть вас так? Как только освежитесь, вам подадут чай и ужин в столовой. Мне бы хотелось поговорить с вами, если вы не слишком устали...

Ирис молчала. «Дурочка, соглашайся!» – шепнул в голове голосок Клодины.

– Хорошо, – нехотя отозвалась Ирис.

Пожилая дама с облегчением кивнула.

– Прошу, следуйте за мной, – с ледяной учтивостью пригласил девушку Рекстон и взял чемодан.

Ирис скорчила гримасу ему в спину и пошла следом.

Однако, этот дворецкий – с гонором! Отвратительный тип! Знает она их породу: слуги при важных господах, прикормленные и напыщенные, избалованные непыльной работенкой, за свое теплое место держатся крепко, честных трудяг за людей не считают, хозяевами крутят как хотят. Неприязнь к дворецкому росла с каждой секундой.

Рекстон поднялся на второй этаж. По пути Ирис с любопытством вертела головой. Ей нечасто доводилось бывать в подобных особняках, но она отметила, что обстановка, хоть и элегантная, не поражает роскошью. Мебель добротная, старинная, но неплохо бы отдать ее реставратору. Деревянные панели на стенах исцарапаны, ковры на лестницах – потертые, в люстре не хватает стекляшек, отчего она выглядит как человек с выбитым зубом. И все же дом отличается продуманным уютом, который создавался не одно десятилетие. Все сверкает чистотой, пахнет воском и лавандой, как в ее мечтах. Полы приятно поскрипывают под ногами, узор на обоях сдержанно поблескивает, в его завитках угадываются роскошные цветы. Живых цветов тоже хватало с избытком. Дом украсили траурными гвоздиками, но они источали аромат свежести и радости.

– Вот ваша комната.

Рекстон остановился у двери в конце коридора и распахнул ее. Вошел внутрь, дернул за сонетку. Тут же явилась опрятная горничная.

– Адель, у нас гостья, – растопите камин и смените белье. Госпожа Диль, вы можете подождать в гостиной, пока вашу комнату приведут в порядок, – предложил Рекстон с едва заметной презрительной ноткой.

Он прекрасно умел управлять своим звучным голосом. Говорил вежливо, не придраться, но его интонация передавала миллион оттенков. И ни один из этих оттенков не льстил Ирис.

– Я не помешаю горничной. Да и камин сама могу разжечь. И постель перестелить.

Горничная фыркнула. Взгляд дворецкого определенно стал презрительным.

– У нас не принято заставлять гостей заниматься домашними хлопотами, – произнес он с обманчивой мягкостью.

– Ну ладно. Спасибо, – пожала плечами Ирис и протянула руку к чемодану, который все еще держал Рекстон.

Дворецкий не отдал его.

– Позвольте узнать, что в вашем чемодане, госпожа Диль. Он очень тяжелый. Его вес не соответствует размерам, учитывая, что там ваша одежда.

– У вас в доме принято допрашивать гостей о содержимом их багажа? – ехидно осведомилась Ирис. – Если они не отвечают, вы их обыскиваете?

– Вы необычная гостья, госпожа Диль. Моя обязанность – заботиться об обитателях этого дома и их безопасности.

– Думаете, у меня в чемодане бомба?

– Просто ответьте на мой вопрос, госпожа Диль, – угрожающе наклонил голову дворецкий.

– Хорошо. Там куклы.

– Вы продаете кукол?

– Друзей не продают.

– Поясните.

Рекстон был непробиваем.

– Куклы – мой реквизит. Они артисты. Как и я.

Рекстон выслушал ее объяснение, положил чемодан на стол и сделал шаг в сторону.

– Откройте его, пожалуйста, и покажите содержимое.

– Вы раньше не в тюрьме служили?

Рекстон молча нагнулся и щелкнул замками.

– Эй, что вы делаете?! – возмутилась Ирис.

– Поверьте, госпожа Диль, я глубоко стыжусь своего поступка, но вы не оставили мне выбора.

Он откинул крышку и едва заметно вздрогнул. Даже этот ледяной автомат не смог сдержать удивления, когда из чемоданного нутра на него уставились стеклянные глаза. Ирис достала Кло и сунула в нее руки.

– Познакомься, Кло, это Рекстон, идеальный дворецкий и знатный грубиян. У него хватает наглости обыскивать и допрашивать гостей.

Ирис незаметно вдохнула, сжала диафрагму и заговорила, стараясь держать губы неподвижно и направляя звук в сторону. Клодина тут же ожила.

– Ирис, где ты таких находишь – красавчиков с мерзким характером? – капризно протянула Кло.

Ирис щелкнула рычажками, Кло всплеснула ручками, а ее брови сложились трагическим домиком. Горничная ахнула и засмеялась, но тут же осеклась.

– Весьма впечатляюще, госпожа Диль. Вы чревовещательница? – спросил Рекстон, глядя Ирис в глаза.

Это ее удивило. Пожалуй, он был первым человеком, который во время трюка смотрел на нее, а не на Кло. Ирис отлично умела направлять внимание зрителя на куклу, отвлекая от кукловода, но Рекстон видел ее, и только ее. Обмануть такого человека сложно.

– Да, – ответила Ирис нормальным голосом, но часто закивала кукольной головой. – Я артистка.

И не удержалась.

– Она очень талантливая артистка! – воскликнула Кло.

Рекстон реплику куклы оставил без внимания.

– Адель, принесите теплое одеяло, – обратился он к горничной.

Та покорно ушла, но в дверях обернулась, сгорая от любопытства.

Когда Рекстон и Ирис остались одни, дворецкий сбросил маску вежливости. Но не до конца – за годы службы она приросла к его лицу. Однако его тон стал резче, а в выборе слов он и вовсе перестал стесняться.

– Чем вы еще занимаетесь, кроме как дурачите публику, госпожа Диль?

– Ирис, дай ему пощечину! – драматически потребовала Кло. – Такое нельзя спускать!

– Будьте добры, положите куклу и ответьте на мои вопросы без шутовства.

Ирис не послушалась, но к голосу Кло больше не прибегала.

– Я отвечу на ваши вопросы, если вы будете задавать их правильно. А может, и не отвечу.

– С какой целью вы приехали к барону? Вы услышали о его смерти и решили проверить мошенническую схему? Хотите задурить госпоже Эрколе голову и заставить ее раскошелиться? У вас это не пройдет. Я готов сам отвезти вас в Шваленберг, если вы согласитесь тихо исчезнуть прямо сейчас.

– Пошел ты к черту, Рекстон! – дерзко пропищала кукла.

– Ой, простите, – мило улыбнулась Ирис. – Кло дурно воспитана и говорит то, что думает.

– Хорошо, госпожа Диль, подождем до завтра. Потом пеняйте на себя.

Дворецкий вежливо кивнул и пошел к двери. Кло ожила, приложила к губкам пальчики и залихватски свистнула.

– Эй, Рекстон! – окликнула его Ирис голосом Кло. – А ты извинишься перед Ирис, когда нотариус подтвердит ее личность?

Рекстон повернулся, смерил Ирис взглядом, но ответил Клодине с великолепной учтивостью:

– Безусловно, барышня-кукла. В этом случае я готов признать свою неправоту и принести извинения. Однако, боюсь, у твоей хозяйки ничего не выйдет, что бы она ни задумала.

Глава 3

Новые родственники

Закрывшись в комнате, Ирис уселась на кровать и крепко выругалась, предварительно зажав Клодине уши. Каков наглец этот Рекстон! Что он себе позволяет?! Не дворецкий, а Цербер! Так рьяно охраняет интересы хозяйки, что готов вытолкать гостью взащей! Образцовый слуга? Надменный холуй, вот он кто!

Ирис презрительно фыркнула, вспомнив невозмутимое красивое лицо Рекстона. Отчего-то больше всего ее раздражала не вежливая, отточенная грубость дворецкого, а именно его идеальность. Форма с иголочки, ни пятнышка, ни морщинки на дорогой ткани. Фигура атлета, внешность киноактера, которому достаются роли роковых соблазнительей и блистательных злодеев. И пахнет от него идеально – свежеевыглаженным хлопком и цитрусовым одеколоном. Его как будто на фабрике сделали, честное слово. Не может быть, чтобы у Рекстона не было недостатков. Наверняка он храпит, с хрюканьем и присвистом. Или имеет какой-нибудь тайный мерзкий грешок.

Ирис чувствовала себя подавленной. Ей нужно было спустить пар на ком-нибудь, хотя бы мысленно, и дворецкий стал для этого подходящей кандидатурой.

В комнату постучалась Адель с постельным бельем. Она рассказала Ирис, где найти ванную, и предложила помочь разобрать чемодан. Ирис отказалась. У нее никогда в жизни не было прислуги, поэтому в присутствии горничной ее охватывала неловкость.

Девушка быстро привела себя в порядок и отправилась ужинать. В столовую она вошла со священным трепетом – более гостеприимной комнаты она отродясь не видела. Лепнина на стенах, мебель светлого дерева, голубая скатерть на столе. Окна выходят на восток – значит, по утрам здесь солнечно. Но сейчас снаружи висела бархатная темнота – не зловещая, как на столичных окраинах, а уютная.

Хотелось бы оказаться здесь при других обстоятельствах... Ирис стало горько оттого, что она так и не встретила с хозяином «Черного дуба». Барон хотел увидеть ее, но его мечты не сбылись, их оборвала смерть. Теперь Ирис была незваной гостьей в его доме, и никто ей не был рад.

Впрочем, госпожа Эрколе встретила ее сердечной улыбкой.

– Простите, ужин скромный – у меня совсем нет аппетита после того, как мой брат...

Она приложила платок к глазам. Ирис промолчала – нужных слов не нашлось.

За ужином прислуживал дворецкий. Ирис вздрагивала каждый раз, когда он возникал за ее стулом и его рука с длинными пальцами и крепким запястьем ставила перед ней тарелку. Рекстон двигался бесшумно. Черный костюм сидел на нем как вторая кожа, дворецкого словно облили темнотой. Когда его услуги не требовались, он отступал в угол и сливался с тенью. Он и сам походил на тень, но в то же время его присутствие невозможно было оставить без внимания.

Несмотря на роль слуги, Рекстон казался подлинным хозяином дома. Было очевидно, что госпожа Эрколе привыкла полагаться на него во всем. Она говорила с дворецким уважительно и часто ловила его взгляд, как будто ожидая подсказки. Рекстон был не только ее верным слугой, но и союзником и опорой.

Как же Ирис не хватало Клодины за столом! Но она рассудила, что не стоит шокировать новую родственницу привычкой ужинать в компании куклы.

«Скромный» ужин состоял из нескольких холодных закусок и запеченной форели под сливочно-лимонным соусом. Госпожа Эрколе клевала как птичка, но держалась столь изящно,

что хоть картину с нее пиши. А вот Ирис стоило больших усилий не набивать полный рот – так все было вкусно.

Они с отцом не голодали, но питались однообразно и в основном трактирными блюдами – готовить порой было просто негде. Изысканный обед на керосинке в ночлежке не сварганишь, будь ты хоть трижды искусным поваром.

Приборов перед ней положили слишком много, для каждого блюда полагалась своя вилка или ложка. Ирис не разбиралась в тонком этикете, поэтому брала тот прибор, который казался удобнее. Пару раз наверняка ошиблась, но понадеялась, что тетя не станет думать о ней хуже из-за пустяковой оплошности.

А что о ней думает дворецкий, ее ни капли не интересовало. Не его ума дело о гостях судить.

– Сейчас подадут чай, и мы всласть поговорим, – слабо улыбнулась госпожа Эрколе.

Рекстон принес поднос и выставил на стол... паровоз. Странная медная штука имела колеса, две трубы, из которых поднимался пар, угольный ящик и несколько датчиков и манометров. К передней части паровоза был приварен краник. Брови Ирис полезли на лоб.

– Это самонагревающийся чайник, – пояснила госпожа Эрколе, страдальчески морщась. – Внутри кипятки, заварка и угли. Его сделал мой брат. У Гвидо было хобби мастерить необычные вещи.

– Увлекательное занятие! – одобрила Ирис.

Барон с Финеасом (ее настоящим отцом) нашли бы общий язык. Да и сама Ирис любила помогать отцу и копаться в шарнирах кукол.

– Занятие увлекательное, но далеко не безобидное, – вздохнула госпожа Эрколе. – Гвидо взялся механизировать усадьбу. У нас есть самоскладывающиеся стулья, будильник с сюрпризом и туфли с лезвиями, чтобы подравнивать траву во время прогулки. Изобретательская жилка Гвидо не давала ему покоя. Один лишь Рекстон и мог урезонить его. Например, Гвидо изготовил приспособление для снятия обуви. Рычаги крепко обхватывают ногу и при этом чуть ее не отрывают. Рекстон сумел убедить Гвидо не предлагать свое изобретение гостям, пока он его не доработает, иначе мы разоримся на протезах для знакомых. В доме постоянно что-то грохотало, взрывалось... Но теперь нам будет этого не хватать. – Она опять тяжело вздохнула. – Мой брат был необычным человеком. Жаль, что вам не довелось познакомиться с ним.

Рекстон принес ореховый кекс и двинулся к выходу, но пожилая дама окликнула его:

– Рекстон, присоединяйтесь к нам! Садитесь. Займите место Гвидо.

Дворецкий беспокойно повел плечами.

– Госпожа Эрколе, простите, но...

– Забудем на этот вечер разницу в нашем положении, – решительно заявила его хозяйка. – Знаю, вам, как и мне, хочется больше узнать о госпоже Диль – так садитесь же и разлейте чай.

Рекстон молча повиновался, хотя было видно, что он не рад приглашению и чувствует себя не в своей тарелке. Где это слыхано, чтобы дворецкий занимал место покойного хозяина дома?!

Ирис прекрасно поняла истинную причину приглашения. Госпожа Эрколе хотела, чтобы Рекстон стал свидетелем их разговора. Раз она привыкла во всем полагаться на дворецкого, ей нужно знать его мнение насчет Ирис. Она не сомневалась, что ничем хорошим этот разговор не закончится, и внутренне собиралась перед битвой.

После того как Рекстон сервировал чай и занял место во главе стола, в комнате повисло молчание. Хозяйка намеревалась начать допрос, но не знала, как приступить к нему поделикатнее. Она неуверенно глянула на дворецкого, тот ободряюще кивнул. Ирис перехватила инициативу и заговорила первой:

– Тут так тихо и уютно... Должно быть, славно иметь дом за городом.

– А у вас дом в Сен-Лютерне? С кем вы живете?

– Живу с отцом... с мужем моей матери, – поправилась она. – Я всегда считала его родным. Раньше он занимался наукой, был профессором математики.

– О! – уважительно воскликнула тетя Грета. – А вы чем занимаетесь?

– Я уличная артистка.

У тети Греты вытянулось лицо.

– О... – обескураженно вырвалось у нее.

Госпожа Эрколе очень любила это междометие и выражала им множество чувств.

– Простите... в каком смысле «уличная»?

– В прямом. Даю спектакли на улицах. Иногда в мюзик-холлах и тавернах.

Энтузиазм покидал тетю Грету со скоростью воздуха из проколотого мяча. Она сдувалась с каждым новым ответом Ирис.

– И какого рода спектакли вы даете?

– Госпожа Диль – кукловод. Она дает спектакли детям, – сказал Рекстон и послал Ирис многозначительный взгляд.

Ирис поняла, что не стоит шокировать пожилую даму.

– Вы развлекаете детишек! Как это мило! – выдохнула тетя Грета с облегчением и неуверенно добавила: – Но вы упомянули мюзик-холлы. Разве туда пускают детей?

– Да, там проводят специальные детские дни с клоунами и викторинами, – скрывая раздражение ответила Ирис.

Рекстон одобрительно кивнул.

– Пожалуйста, расскажите о вашей жизни, – попросила госпожа Эрколе.

И Ирис рассказала, почти правдиво. Объяснила, что профессор Диль прекратил занятия наукой по состоянию здоровья. Обошла молчанием тяготы артистической карьеры, про Картавого Рикардо тоже не упомянула. Тетя Грета осталась довольна, по крайней мере, ее голос не утратил дружелюбия.

А вот Рекстон оказался не столь наивен. Он умел читать между строк и понимал недоговоренное. Его взгляд становился все более острым, в них появился недобрый блеск. Видимо, он считал, что Ирис врет как дышит и мысленно продолжал обвинять ее во всех грехах. Чопорному дворецкому не хотелось видеть среди родственниц его титулованного хозяина уличную артистку. Наверняка в его понимании она стояла на одной доске с шарлатанами, карманниками и ночными девушками.

Странная мысль посетила Ирис: они с Рекстоном похожи. Он такой же кукловод, как и она сама. К нему тянутся все ниточки в этом доме. Тетя Грета – его марионетка. Не исключено, что и барон находился под его влиянием. И если Ирис желает остаться в усадьбе, ей нужно заручиться симпатией дворецкого, а не его хозяйки. Но между ними уже вспыхнула искра вражды, и погасить ее будет непросто.

– Какая насыщенная у вас жизнь! – заметила тета Грета. – Вы многое умеете. Вы, должно быть, Одаренная?

– Нет, я не Одаренная, – удивилась Ирис. – С чего вы взяли?

– Ну, я предположила, что вы унаследовали дар отца. – Госпожа Эрколе осторожно поставила чашку на стол. – Барон был Одаренным. Часто бывает, что дети получают дар их родителей.

Ирис затаила дыхание, переваривая новую информацию. Вот как! Ее родной отец обладал сверхъестественными талантами! А она ничего об этом не знала...

Впрочем, какая разница? Ей-то этот талант все равно не достался.

– В двенадцать лет меня, как и прочих детей, проверяли на наличие дара, но ничего не обнаружили. Я самая обычная девушка.

– Ну, это не страшно, – успокоила ее госпожа Эрколе. – У меня тоже дара нет, и я, признаться, этому рада – меньше соблазнов, и передо мной не стоял выбор пути. Мой брат не стал

развивать свой дар и в Академии не учился. У аристократов это не принято, да и в дни нашей молодости на Одаренных смотрели косо. Считалось скандальным уметь, например, вызывать дождь, разжигать костер без спичек или наводить морок. Многие до сих пор считают это проклятием.

– А что умел барон?

– Поскольку в Академии он не учился, его склонности не были определены. Он считал себя электромансером – ему порой удавались фокусы с электричеством. А еще он говорил, что, когда его осеняет идея нового устройства, он словно видит светящуюся схему и сразу знает, что нужно делать, чтобы она заработала.

– Среди Одаренных есть репликаторы, мадам, – подал голос Рекстон. – Инженеры-колдуны – так их порой называют.

– Да, возможно, был у Гвидо и такой талант, – тяжело вздохнула госпожа Эрколе.

– Как он умер? – спросила Ирис, больше не в силах сдерживать любопытство.

Госпожа Эрколе вздрогнула, Рекстон неодобрительно покачал головой. Но Ирис не собиралась извиняться за вопрос. Она не любила находиться в неведении. Если тебе нужно узнать что-то, возьми и спроси, не ходи вокруг да около. Это одно из правил выживания в городских джунглях. Тут не до приличий.

– Он долго болел? – продолжала она.

Ответил Рекстон:

– Произошел несчастный случай. Барон простудился и слег с температурой. Вечером он поднялся, но, видимо, потерял сознание, упал и ударился виском о стол. Его милость нашли в кабинете пару часов спустя, сделать уже ничего было нельзя.

Тетя Грета всхлипнула и прижала к глазам платок.

– Мне очень жаль, – пробормотала Ирис.

– Возможно, у Гвидо от болезни помутился разум, – вдруг заявила тетя Грета, отнимая от лица платок.

Глаза у нее были сухие.

– Зачем, спрашивается, он взял перед этим...

– Мадам, не желаете ли еще кекса? – предостерегающим голосом перебил ее Рекстон. – Помадка сегодня особенно удалась повару.

– О... да, спасибо... – осеклась тетя Грета.

Подтекст сцены не укрылся от внимания Ирис. Рекстон не желал, чтобы гостя узнала о странных обстоятельствах смерти барона, и вовремя укоротил язык своей хозяйки. Тетя Грета намек поняла и сменила тему.

– Завтра прибудет нотариус и огласит условия завещания. Титул отойдет Даниэлю. Это мой сын, племянник барона... и ваш кузен. Он учится в столице на художника. Поместье не майоратное, я не знаю, кому отписал его Гвидо, но, полагаю, Даниэлю или мне... Но мы обязательно позаботимся о вас, дорогая, если Гвидо не оставил распоряжений на ваш счет.

– Сперва нотариус должен подтвердить личность и права госпожи Диль, мадам, – учтиво, но непреклонно подсказал Рекстон.

Госпожа Эрколе смутилась.

– Ну да, полагаю, необходимо пройти некоторые формальности...

– Я не претендую на наследство. Мне жаль, что не удалось познакомиться с бароном цу Герике, но я счастлива найти родственников.

Ирис не кривила душой. Было так странно, но приятно осознавать, что теперь у нее есть тетя и кузен! Ирис всегда была окружена людьми – зрителями, ее коллегами – уличными артистами, случайными попутчиками... И все же жила в глухом одиночестве, потому что близкими друзьями обзаводиться не успевала, да и не могла. Лишь Финеас был постоянной величиной в ее жизни.

– Ваше бескорыстие делает вам честь, госпожа Диль, – заметил Рекстон.

Тетя Грета закивала, соглашаясь, вот только Ирис уловила в его словах едкой сарказм.

Когда ужин подошел к концу, Ирис поднялась в комнату и рухнула на кровать. Она чувствовала себя измученной, словно после долгого спектакля.

Собственно, это и был спектакль. В столовой разыгралась сложная сцена, где все герои что-то недоговаривают, присматриваются друг к другу и из кожи вон лезут, лишь бы не выдать истинных намерений. Ирис старалась быть сама собой, но внимание дворецкого действовало ей на нервы.

Лучше всего будет завтра же вернуться в столицу. Поездка оказалась напрасной и печальной. Если новые родственники захотят поддерживать отношения, пусть сами делают нужные шаги. Она навязываться не станет.

И все же было бы неплохо, если бы барон цу Герике оставил незаконнорожденной дочурке тыщонку-другую кронодоров. Но рассчитывать на подобную удачу не приходилось. У него были наследники – близкие люди, которых он знал всю жизнь.

Ирис переделалась в ночную рубашку, достала из чемодана кукол – и шалопая Бу, и строгую Мими – и уложила их на кровать. Затем обняла Клодину и закрыла глаза, зарывшись лицом в ее волосы из пакли. Кровать была такой удобной, а одеяло – таким тяжелым и теплым, что уснуть удалось почти мгновенно.

Утром ее разбудил солнечный свет. Он лился сквозь занавеску и окрашивал комнату в волшебный голубоватый оттенок. Ирис от души потянулась, чувствуя покой и умиротворение.

И тут ей выстрелили в голову. Под ухом раздался оглушительный треск, комнату заволкло едким пороховым дымом. Грохнул второй выстрел, и тут же – третий. Ирис завопила и скатилась с кровати.

Однажды ее угораздило оказаться в центре перестрелки, которую затеяли гангстеры в баре «Джимбо-Джамбо», поэтому она знала, что делать. Крепко сжимая Клодину, девушка заползла под кровать и затаилась.

Выстрелы продолжали грохотать и стихли лишь через минуту. Ирис тяжело дышала и радовалась тому, что вышла из передраги живой и невредимой. Но кто стрелял? Что, черт побери, произошло?! Она осторожно глянула в щелку под покрывалом, но высовываться не спешила.

– Госпожа Диль!

Дверь распахнулась, и в комнату шагнула пара мужских ног в блестящих черных ботинках. Ботинки прошли от стены к стене. Ирис выжидала, затаив дыхание.

– Госпожа Диль, вы тут? – спросил Рекстон тревожно, но с ноткой надежды на то, что она не откликнется, а значит, ее и след простыл.

В комнату вбежали две пары туфель, одни простые, другие – из дорогого бархата.

– Что случилось?! – взвизгнула горничная.

– Сработал будильник барона, – объяснил Рекстон. – Кто его завел? Вы, Адель?

– Должно быть, я задела рычаг, когда вытирала пыль... – оправдывалась горничная, кашляя от дыма.

– Непростительная халатность! Вы будете оштрафованы.

– Да, господин Рекстон. Как вам угодно, господин Рекстон, – ответила горничная с придыханием, как говорят безнадежно влюбленные девушки.

– Но где Ирис? – спросила тетя Грета.

– Я тут.

Ирис, кряхтя, выбралась из-под кровати. Рекстон, увидев гостью в неглиже, отвернулся, но Ирис заметила, как он успел бросить на нее короткий хищный взгляд. Оказывается, мужские инстинкты есть даже у дворецких.

– Ирис, простите, пожалуйста! – взмолилась тетя Грета, схватив ее за руки. – Это изобретение Гвидо, которое по недосмотру оставили в комнате и зачем-то завели! Он придумал будильник для лежебок, вместо звонка установил в нем петарды. Они взрываются, когда подходит время.

– Сильное средство, – оценила Ирис, – и мертвого поднимет.

У нее все еще дрожали ноги. Она набросила халат.

– Рекстон, можете поворачиваться.

Госпожа Эрколе с изумлением посмотрела на артистов Ирис, которые вповалку лежали на полу.

– Это и есть ваши куклы?

– Они самые. Вот, познакомьтесь, это Клодина.

Ирис нагнулась и подняла куклу.

– Здравствуйте, госпожа Эрколе! В вас, надеюсь, утром никто не палил? – пропела Кло. – Как вам спалось?

– Спа... спасибо, хорошо... – ответила кукле изумленная тетя Грета.

Рекстон почтительно коснулся локтя хозяйки и направил ее к двери.

– Мадам, мне нужно переговорить с вами по поводу счетов от мясника. Я спущусь через минуту, как только распоряжусь навести порядок в комнате госпожи Диль.

Горничная и тетя Грета ушли, Рекстон забрал покрытый копотью будильник. Ирис рассматривала его вечером, недоумевая, зачем к нему приделали ряд коротких латунных трубок. Теперь загадка разрешилась.

– Еще раз приношу вам глубочайшие извинения, госпожа Диль. Надеюсь, вы не слишком испугались.

– Если вы рассчитывали, что я окочурюсь от страха, когда заводили этот чертов будильник, то ваш план провалился.

– Это происшествие – следствие досадной оплошности. Я здесь ни при чем, госпожа Диль, – ответил дворецкий холодно, но Ирис почувствовала, что он разгневан ее предположением.

Неужели и правда это не его рук проделка?.. Ну да, у этого змея другие методы, до школьных шалостей он опускаться не станет.

– Хотя, признаюсь, я надеялся, что вы тихо исчезнете под покровом ночи и избавите нас от неприятных разбирательств, – добавил Рекстон.

– Да уймитесь вы уже! – вскипела Ирис. – Уеду я, уеду сегодня же вечером! Вы меня больше никогда не увидите!

Рекстон с молчаливым удовлетворением поклонился и ушел, а Ирис начала собираться к завтраку.

Когда она спустилась, обнаружила в столовой незнакомца. Светловолосый юноша ел тушеное мясо, выживая куски из тарелки прямо пальцами. Увидев Ирис, он ни капли не смутился, вытер руки салфеткой с грацией человека, который впитал хорошие манеры с молоком матери и поэтому знает, когда ими можно пренебречь. Такой типчик даже из свиного корыта будет хлебать, как аристократ, и никто ему слова не скажет.

– А вот и моя сестренка! – воскликнул он, вскочил, схватил Ирис за руку и потряс.

Парень был поразительно красив. Стройный, с изящным удлинённым лицом и синими глазами, он словно сошел с классической картины. Одет он был с иголочки, но вместе с тем в его облике наблюдалась выверенная неряшливость – галстук распущен, верхняя пуговица рубашки расстегнута, волосы живописно взлохмачены.

– О! Вы уже познакомились! – сказала тетя Грета, входя в комнату.

– Еще не успели, – озадаченно ответила Ирис.

– Это мой сын Даниэль, племянник Гвидо. Он учится на художника. Был в творческом путешествии, писал старинные развалины, – с гордостью объяснила тетя Грета. – Даниэль приехал рано утром.

– На похороны дядюшки увы, не успел, – радостно объявил Даниэль. – Ну и ладно, там наверняка была скучища смертная. Если только вы не установили в надгробии бар для посетителей, как мечтал дядя...

– Даниэль! – шокировано осадил его тетя Грета.

Рекстон бросил на юного шалопаю неодобрительный взгляд.

– Да ладно вам корчить кислые мины! – отмахнулся Даниэль. – Хватит делать вид, будто вы огорчены дядиной кончиной. Он нам всем изрядно попортил жизнь. И каждый день он ходил по краю, мы все ждали, что он вот-вот поджарит себя током или подорвется в своей мастерской. Даже удивительно, что он сыграл в ящик вполне пристойно.

После этого монолога госпожа Эрколе и Ирис сели за стол в неловком молчании. А Даниэль продолжал болтать:

– Мне уже рассказали о тебе... Ничего, что я на «ты»? Мы же родственники... Значит, ты артистка? Где выступаешь, в кабаре или варьете?

– Ваш омлет, господин Эрколе.

Рекстон поставил перед Даниэлем тарелку. «И заткнитесь, будьте любезны», – говорили его крепко сжатые губы и ледяные глаза.

– Спасибо, старина, – подмигнул ему Даниэль. – Ты теперь должен называть меня «ваша милость», нет? Я же теперь вроде как барон?

– Разумеется, ваша милость.

– Да ладно тебе, я пошутил! Можешь продолжать звать меня Даниэлем, как в детстве. Когда посторонних нет, разумеется, – еще раз подмигнул он.

Из племянника барона фонтаном била дурашливая энергия. Ирис пока не разобралась, что он за птица. Он очень глуп или, наоборот, очень умен? Скорее первое. Видела она таких обаятельных, но недалеких наглецов в артистических кабаках.

– Когда приедет нотариус? – спросил Даниэль. – Не терпится узнать, что оставил мне дядя, кроме титула из пяти букв! Титул на хлеб не намажешь и в стакан не нальешь, а у старого скряги денежки водились.

– Даниэль, прошу, прояви хоть каплю почтения! – укорила его тетушка.

Во дворе зашуршали шины, отрывисто прогудел клаксон. Рекстон выглянул в окно и объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.